

Рецензия

УДК 159.953:2 + 316.343.644(470.32) + 655.552

doi 10.15826/tetm.2023.1.046

Рецензия на книгу Т. Ю. Покровской «Религиозная память крестьянства в XX–XXI веках в селах Черноземья России» (СПб. : Алетейя, 2022)

Даниил Александрович Аникин

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия

dandee@list.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6232-6557>

Для цитирования: Аникин Д. А. Рецензия на книгу Т. Ю. Покровской «Религиозная память крестьянства в XX–XXI веках в селах Черноземья России» (СПб. : Алетейя, 2022) // *Tempus et Memoria*. 2023. Т. 4, № 1. С. 66–68. doi 10.15826/tetm.2023.1.046

Review

Review of the Book by T. Y. Pokrovskaya “The Religious Memory of the Peasantry in the XX–XXI Centuries in the Villages of the Chernozem Region of Russia” (St. Petersburg: Aleteya, 2022)

Daniil A. Anikin

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

dandee@list.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6232-6557>

For citation: Anikin, D. A. (2023). Retsenziya na knigu T. Yu. Pokrovskoi «Religioznaya pamyat' krest'yanstva v XX–XXI vekah v selakh Chernozem'ya Rossii» (SPb. : Aleteiya, 2022) [Review of the Book by T. Y. Pokrovskaya “The Religious Memory of the Peasantry in the XX–XXI Centuries in the Villages of the Chernozem Region of Russia” (St. Petersburg: Aleteya, 2022)]. *Tempus et Memoria*, 4, 1, 66–68. doi 10.15826/tetm.2023.1.046

В последнее время появляется все больше книг, посвященных различным аспектам коллективной памяти, и само содержание этих книг позволяет говорить о том, что в отечественной науке не только происходят усвоение и интерпретация уже ставших классическими теоретических концепций, но и ставятся вопросы об их применимости

к эмпирическому материалу. В этом смысле монография Т. Ю. Покровской — яркий пример сочетания теоретических и эмпирических аспектов изучения представлений о прошлом. В теоретическом аспекте автор ставит перед собой достаточно амбициозную задачу — обосновать, что «религиозную память можно считать отдельным видом памяти — не только

© Аникин Д. А., 2023

рамкой коллективной памяти» (с. 28). На эмпирическом уровне большая часть монографии представляет собой обработку интервью трех поколений жителей бывшей Курской губернии, посвященных различным аспектам религиозных практик в секулярном и постсекулярном обществе. Учитывая такую разбивку авторского исследования, имеет смысл по отдельности охарактеризовать каждую из частей.

Разработку религиозной проблематики в современных memory studies нельзя считать удовлетворительной, хотя в этом тоже есть определенный парадокс, поскольку еще Морис Хальбвакс в своей работе «Социальные рамки памяти» сделал несколько существенных замечаний по поводу специфики воспоминаний в условиях религиозных сообществ. Т. Ю. Покровская в первой главе своей монографии обобщает практически все исследования, посвященные особенностям религиозной памяти, демонстрируя, что со времен Хальбвакса исследователи существенно продвинулись в понимании многообразия проявлений религиозной памяти. Вместе с тем исходный тезис автора о несводимости религиозной памяти к коллективной стоит признать достаточно спорным. Даже сам Хальбвакс говорит о религиозных сообществах как об одной из форм социальных групп, не противопоставляя религиозную память остальным формам сохранения представлений о прошлом, а скорее указывая на то, что поддержание коллективной идентичности может осуществляться различными культурными (в том числе и религиозными) практиками.

В качестве вывода автор констатирует: «Основываясь на общих обычаях, члены определенного класса путем сохранения традиций в узком социуме (семья — деревня), транслируя личный религиозный опыт и религиозное поведение, создают тем самым не коллективную, а религиозную память. Религиозная память, сохраняя себя в действии и практиках, не только бережет религиозные традиции и обычаи, но и передает их последующим поколениям» (с. 130). В этом развернутом высказывании, которое мы сочли необходимым привести полностью, обращают на себя внимание два существенных момента. Во-первых, как уже говорилось выше, акцентирование внимания на религиозной памяти в противовес

коллективной автоматически ставит вопрос о социальных характеристиках подобного вида памяти. Скорее здесь можно говорить о том, что поддержание религиозной идентичности способствует выработке и сохранению определенных ритуалов и практик, которые могут выходить за пределы других коллективных идентичностей (например, семейной), но это еще не делает данные ритуалы не-коллективными. Во-вторых, обращает на себя внимание уверенность автора в том, что религиозная память бережет религиозные традиции и обычаи. На наш взгляд, такое суждение является не до конца корректным, поскольку память в большей степени акцентирует внимание на поддержании традиции, но вот насколько они в реальности сохраняются? Собранный автором материал позволяет как раз говорить о существенной трансформации религиозных практик.

Эмпирическая часть исследования представляется наиболее интересной, поскольку доставляет читателю непосредственно «полевой материал», но, как известно, любой «полевик» рано или поздно сталкивается с дилеммой К. Гирца. Согласно этой дилемме максимально приближенное к изучаемому сообществу изложение материала не позволяет его осмыслить, а необходимость осмысления приводит к построению определенных теоретических конструкций, которые, разумеется, недоступны для самого изучаемого сообщества (в данном случае — крестьянства). Для подобной интерпретации необходим определенный теоретический инструментарий, который был наработан отечественной социологией и антропологией религии применительно к анализу советского общества, но который, к сожалению, практически не использован в данном исследовании, или, по крайней мере, работы по нему отсутствуют в списке литературы. Имеются в виду как обобщающая работа Н. А. Митрохина «Русская православная церковь. Современное состояние и актуальные проблемы» (2006), так и более конкретные исследования по специфике советской секуляризации, например, работы С. Штыркова и Ж. Корминой, а также свежая монография В. А. Курилова «Советская модель секуляризации: политическое и правовое регулирование свободы совести в СССР (вторая половина XX века)» (2002).

Представляется, что обращение к этим исследованиям (особенно к работам С. Штыркова, который посвятил ряд публикаций особенностям религиозности в крестьянской среде) могло бы существенно уточнить и структурировать сделанные автором выводы.

Но даже без такой теоретической подоплеки собранные интервью представляют собой крайне интересный материал для исследования, особенно в аспекте сочленения нескольких понятий: сообщество — память — идентичность.

И здесь мы имеем дело с определенной «матрешкой» идентичностей (локальная, семейная, религиозная), в последовательности сборки которых еще предстоит разбираться. В самом деле, если обратиться к развернутым цитатам из интервью, приведенным в книге, то обращает на себя внимание следующий момент — активное участие в процессе передачи религиозных ценностей и практик членов семьи. Но этот бесспорный факт может трактоваться двояко — и как свидетельство того, что семья выступала институтом религиозной социализации, и как признак сохранения религиозности в качестве атрибута семейной памяти, дань уважения по отношению к предкам, когда даже такие классические элементы религиозности, как молитва или участие в религиозных обрядах, начинают представлять уже совсем иное значение.

Кроме того, автор обращает внимание на то, что контуры религиозной идентичности

в условиях советской секуляризации могли не совпадать с идентичностью семейной (с. 77). По крайней мере, в одной семье могли сосуществовать и носители секулярного сознания (как правило, мужчины, являвшиеся членами КПСС или комсомольцами, занимавшие общественные должности), и носители религиозного сознания (родители-пенсионеры, жены, не занимавшие общественно значимых должностей, до определенной степени — дети).

И здесь кроются очень интересные перспективы для исследования того, как профанирование религиозной традиции повлияло на особенности реконструкции религиозности уже в условиях современного российского общества, которое с очень большими оговорками можно назвать постсекулярным. Собранный автором материал позволяет поставить вопрос о специфике советской модели секулярности, ее вариативности в контексте различных социальных групп, а также о специфике сохранения представлений о прошлом в контексте трансформации религиозных практик.

Монография — это всегда подведение итогов, пусть даже промежуточное, но все-таки... Поэтому хочется верить, что обращение автора к этой плодотворной тематике позволит поставить новые вопросы, актуальные не только в аспекте эмпирического знания, но и для расширения поля мемориальных исследований в отечественной науке.

Сведения об авторе

Аникин Даниил Александрович, кандидат философских наук, доцент кафедры истории и теории политики Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, г. Москва, Россия

Information about the author

Daniil A. Anikin, Cand. Sci. (Philosophy), Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

*Статья поступила в редакцию 01.06.2023;
одобрена после рецензирования 15.06.2023;
принята к публикации 30.06.2023*

*The article was submitted 01.06.2023;
approved after reviewing 15.06.2023;
accepted for publication 30.06.2023*